

Пятница, 19 сентября 2003 года

Л3 - 4

Знаешь, сын, пока ты рос,
Было просто все у нас.
Помнишь, мерил твой рост?
Помнишь выпускной свой класс?
Помнишь яблони в саду.
„Заморожки“ помнишь ты?
Помни, сын, тебя здесь ждут.
Помнишь мамкины цветы?
Помнишь, как искал тебя
В день рождения. Дождь, грибы,
Велик... мамкины глаза...
Ты не плакал! Помнишь ты?
Помни, сын, ты - Поляков!
Трудно будет - не реви.
Счастлив будь и будь здоров!
Правильно, сынок, живи.

XXX

Приходи поглядеть, вдруг понравится,
Ты не бойся меня, красавица.
Звезды здесь в сентябре низкие,
Растоянья такие близкие.
Вот смотри - Большая Медведица.
Даже мне самому не верится,
Что по Млечному поезд тронется.
Ты рукой до звезд дотронешься.
Ну а Лебедь крылами частится,
Не смеется ему, не плачется,
Словно синяя птица дальняя,
Не моя, не твоя - астральная.
Увезу я тебя, красавица,
Ты увидишь, тебе понравится.
Счастья хочется, в счастье верится...
Погляди, как блестит Медведица.

Знаешь, я люблю дожди...
Вешние - несмелые такие.
Ласковые, лептис, парные,
Чистые, прозрачно-голубые.
Осенью немного затяжные.
Знаешь, я люблю дожди...
Знаешь, я люблю тебя...
Милую, любимую, родную,
То веселую, то грустную такую,
То загадочную, то простую,
Близкую, далекую, чужую,
Знаешь, я люблю тебя...

XXX

Устаю от обид, от мирской суэты.
Замечено - все реже и реже смеюсь.
И все больше вокруг глыбной пустоты.
И без повода чаще чего-то боюсь.
Мне бы был изменить, или кровь
поменять.
И рвануть рысаком по широкому
полю.
И не ныть и не выть, а сначала начать,
А не плакать в жилетку о волюшке -
воле.
Да устал мой конек, отскакал,
отрезвел.
Видно, шею хомут до крови исцарапал.
И плетусь попerek, а не вдоль,
как решил...
И смотрю не на звезды, а чаще все
на пол.

Литературная студия

**Владимир Поляков:
Счастливое лето в спектакле Веритоя.."**

С Владимиром Борисовичем Поляковым, директором Кировской средней школы, мы знакомы давно. Помню даже, как лет этак 20 назад, играл он в местном ВИА (их тогда в районе было множество). Пел вместе с Виктором Крузе (балетнейший тенор) и играл, по-моему, на бас-гитаре... Смотрелся Владимир Поляков со сцены колоритно - в яркой оранжевой рубашке, широкоплечий...

Пролетели годы, теперь Владимир Борисович - солидный руководитель большой школы: уроки, педсоветы, родительские собрания. Но не будними душа живет, по-прежнему хочется петь, читать стихи любимой:

Знаешь, я люблю тебя...

Милую, любимую, родную.

Или рассказать, как радостно и свободно дышится на этой земле, где прошло твоё детство, где бурлит по весне Уба, где живут почти шукшинские "чудики", такие, как лодочник Багрэй...

Рассказ Владимира Борисовича Полякова вы прочитаете сегодня, на литературной странице. Это уже не пропа пера, а серьезна заявка на хорошую прозу. Эдакий прочный сплав мужичкой байки и рассказа с хорошо выписанными деталями пейзажа, портрета, речевой характеристики героев. Слог чистый, спокойный, грамотный. Автор - наблюдательный рассказчик, и чувствуется, как неравнодушен он к своим героям, людям простым, деревенским.

Владимиру Борисовичу хочу сказать одно: «Почему вы не печатали свои рассказы раньше? Читатели, уверена, оценят ваше творчество по достоинству».

Мария АБЗАЛИМОВА.

Вождь и шоколад

мок к металлическому пруту, вкопанному в берег. Багрэй взял весла и удоочки, Николай бидон с рыбой и свою сумку. Пошли вдоль берега к топольнику, росшему прямо на песчаный, пасется на лугу. Решили чтобы Колыча - домой, Багрэй за Рыжкэ у него, не заходить домой, Багрэй решил удоочки и было свежо, лежали две каменных плиты. Побросав вещи, Николай поспешно раздевшись, с разбега плюхнулся в речку.

- Аах! Хорошо! Ой-ой-ой! Хорошо!

Внизу под увалом был большой заливной луг,

где пасся конь. Рыжка хозяина признал сра-

каино. Ну, а местные знали про этот трюк и

также полюбивали над ним.

Багрэя в деревне знает каждый. Тут он

Багрец, с ним рос, учился, женился на Марии, родил двух девок, которые незаметно выросли. Старшая, Ольга, вышла замуж и уехала с мужем куда-то в Сибирь, а младшая, Верка, засиделась в девках. И не дурнушка какая-то, да и не красавица. Девка как девка - кроткая, крепенькая, как груздок, вся в мать.

Багрей же наоборот - худощав, низкорост, с вихрами волос неопределенного цвета, немного хвастлив и промкоголос. Казалось, откуда у такого тщедушного тела - такой голос. Всю жизнь, съязмалась, он работал в совхозе конюхом. Лошадей очень любил и знал каждую не только по масти, но и по ходу, по характеру. После распада совхоза, за много летний труд, он получил свой пай земли, который сдавал в аренду, да Рыжку - небольшого норовистого конька. И как часто выважет, с хоязином они были схожи: и масть вроде одна, раз и даже внешность. Оставшись без работы, Багрей, невеста откуда приобрел по слуху старую подкупленную лодочонку. Лодочонка была так себе - деревенские. С Колыком они знали друг друга с малых лет - росли и учились вместе.

- Здорово, Багрей! Как дела? - Колыка скатилась с яра и подошел к подке.

- Какие дела, собака-заяц! Цельный день на воде, а приварка нет! - в сердцах ответил Багрей.

Расселись, Николай на корムу, баба с мальчишкой впереди, поплыли.

- Куда эти ездят то? - спросил Багрей Багрец.

- Да к суну в город. Он ведь занятый у меня. Ему виши ли не когда! Это мы теперь вроде как бездельники стали, а они-то, молодечко, все что-то суетятся, все чего-то ищут. Учебу бросил, какое-то "дело" затяг, говорит, на квартиру копит... Да... Парит... дождь будет.

Николай опустил руку в воду. Она была теплой, как свежее парное молоко, светлой - было видно каждый камень на дне.

- Я пожалуй скучну, - вслух подумал он - вот переплыть и скучнусь. В городе-то я пока лугом шел, на деревню нашу любовался. Изнутри-то она совсем другая, а издали, как картина! Эх! Причалили...

Багрей помог женщины сойти на берег, рассчитались, Николай пригласил:

- Ты это... у меня с собой с городу прихватено... все одно - больше никого нет. Пойдем в тенек посидим. Я окунусь быстренько, да выпьем с устакту...

В бидоне у него лежало немного чбаков и пескарей. Да и какой улов в такой день, одна малята. Багрей в таком случае нарвет пучок травы, положит его на дно бидона, а поверх - рыбу. Это на тот случай, если приезжие спрашивали про улов. Тогда он молча открыл крышку и показывал содержимое, мол, сам видишь. Прием действовал безотказно, рос, учился, женился на Марии,

даже подшучивали над ним:

- Дядя Багрей! Ну, как улов?

На что он как правило, ворчал:

- Какой ныне улов... Мелочь одна... - Но содержимое никогда не показывал.

По времени выходило, что через нескользко минут должен пройти городской автобус. Багрей, приревшись на солнышке, придерживался за сиденье сон... Вот он еще совсем молодой, купает коней, а неподалеку, на берегу реки, молодые девчата и среди них она... Марья... Кричит ему: «Крепче за хвост держись, а то не ровен час, утонешь!» А ему весело на душе, чисто, и он, рисуясь передней, залихватски прыгает с коня в воду, хватается за гриву и плавает... плывет...

Его разбудил чей-то крик: «Клиент!» Спронсонок он не разобрал, что случилось, дернул одну удочку - пустро, вторую - тоже. Шутник вынырнувший неподалеку, застывший. Багрей в сердцах рявкнул на всю реку: «Я тебе поржу! Вот как тресну в беспом-тол!» На душу стало как-то пакостно и немного обидно - та-кой сон испортит. Окинув взглядом противоположный берег, он заметил - по лугу шли трое - мужик с барыгой, он разглядел - мужик на яра - Колыка Чеботарь, а вот баба и пачан - на воде, а приварка нет! - в сердцах ответил Багрей.

Расселись, Николай на корムу, баба с мальчишкой впереди, поплыли.

- Куда эти ездят то? - спросил Багрей Багрец.

- Да к суну в город. Он ведь занятый у меня. Ему виши ли не когда! Это мы теперь вроде как бездельники стали, а они-то, молодечко, все что-то суетятся, все чего-то ищут. Учебу бросил, какое-то "дело" затяг, говорит, на квартиру копит... Да... Парит... дождь будет.

Николай опустил руку в воду. Она была теплой, как свежее парное молоко, светлой - было видно каждый камень на дне.

- Я пожалуй скучну, - вслух подумал он - вот переплыть и скучнусь. В городе-то я пока лугом шел, на деревню нашу любовался. Изнутри-то она совсем другая, а издали, как картина! Эх! Причалили...

Багрей помог женщины сойти на берег, рассчитались, Николай пригласил:

- Ты это... у меня с собой с городу прихватено... все одно - больше никого нет. Пойдем в тенек посидим. Я окунусь быстренько,

заржал, легко дал себя распутать, хотя чувствовал - хозяин не трезв. Поймав коня, Багрей пошел через луг домой.

Мария издала увидела мужа и по походке сразу определила - пьянейший. Хоть и Багрей не особо увлекался этим делом, все же жена поручивала его. Да так уж заведено было. Но тут еще, как на грех заходила гроза, а у Марии еще оставались кое-какие дела. Надо было встретить коров с выгласом, подсобить, напоить телят. Поэтому она торопилась и немного была не в духе.

- Явился, не заплылися - начала она, - целый день на речке загорашь, а я, как проклятая, везде одна: и в доме, и в городе. И постирать надо, и убраться, и сварить, - это она немного забыла - дома-то все лежало на Верке. Шляешься черт знает где, а вон гроза заходит.

Багрей молчал привязал Рыжку к лестнице, которая стояла возле крыльца и вошел в избу. В избе громко играла музыка. Верка крутила пластинки. Вошла Мария, уж очень ей хотелось высказатьться.

- Залип занеки-то, - продолжала она, - ни стыда, ни совести. Всю жизнь мою изломал, черт плюгавый.

Багрей напрягся, глянул из под бровей:

- Ну, ты это... чего изломал? Кольку с городу встретил, вот и выпили...

- Кольку, Кольку - черта козлоногого, по городам время нашел ездить. Нашлись два друга - шлея для подруга. - Мария разошлась, Багрей вдруг стало до того тяжко, что аж воздух перехватило и слов никаких не было.

- Ты бы о девке вон подумал, сидит, не устроена, вековухой. Сам непутевой и в доме порядка нет.

Обида захлестнула Багрея. А тут еще эта музыка. Он быстрым шагом прошел в спальню, где сидела Верка, сгреб со стола промысел, сел и выскоцил с ним на крыльце. Трах! Прогибатель разлетелся на куски. Рыжка от испуга дернулся, лестница заскользила по стене дома и ударила Багрея по голове. И надо же так случиться, что именно в этот миг грянул тром, да так уж близко, что Багрей, падая, успел подумать: «Вот и все - молнией убило!»

Посел дождь, сначала небольшой, а затем несколько секунд хлынул, как из ведра. - Батюшки! Убило! - закричала, выскочившая из избы, Мария. - Убило! Верка! Отца молнией убило!

Она, а за неей Верка, бросились на грудь отца и зарыдали. Багрей лежал, закрыт в глаза, и думал: «Живой чо дуры срут. Бог и дождь по-шеш, трава и картошка будут значит пар-зимуем.

Они пристегнули лодку на амбарный за-